**Рецензия на книгу Жака Рупника
«Средняя Европа как двуглавая птица:
о чешском прошлом и настоящем».**
Прага: Novela bohémica; 2018. 430 стр.
(на чешском языке)

**Book Review Jacques Rupnik “Central Europe
is like a Bird With Double-Headed:
about the Czech Past and Present”.**
Praha: Novela bohémica; 2018. 430 p.

Жак Рупник (Jacques Rupnik) — французский политолог чешского происхождения, специалист по Евросоюзу и политической истории Центральной Европы, профессор Института международных отношений в Париже, советник президента В. Гавела — впервые представил тексты разных лет, посвященные анализу причин и следствий значимых политических событий истории Чехии в общеевропейском контексте, на чешском языке.

Автор критически анализирует нумерологический миф о судьбоносных для чехов дат XX столетия, которые оканчиваются на цифру 8 (здесь можно вспомнить и более раннее событие 1618 г. — чешское восстание против императора Фердинанда II, положившее начало Тридцатилетней войне). В 1918 г., как результат распада Австро-Венгрии, возникло государство Чехословакия, в 1938 г. в Мюнхене Франция, Великобритания, Италия санкционировали территориальный передел Чехословакии — гитлеровская Германия присоединила Судетскую область, населенную преимущественно немцами. В 1948 г. внутрисоветский кризис привел к формированию просоветского режима (при полном отсутствии советских войск на территории Чехословакии!), после чего Чехословакия на 40 лет вошла в лагерь социалистических стран. В августе 1968 г. войска стран Варшавского договора вошли в Чехословакию для предотвращения политики построения «социализма с человеческим лицом» (аналога перестройки М. С. Горбачева), что привело к консервативному курсу «нормализации» Г. Гусака. *Annus mirabilis*, 1989, когда рухнули коммунистические режимы

стран Восточной Европы, запоздал на один год. Здесь следует сделать ремарку — чешские авторы настаивают на локализации Богемии и Моравии в Центральной Европе, а Восточной Европой они называют Украину, Беларусь, Россию. Ж. Рупник дополняет цитату Тимоти Гартон Эша (Timothy Garton Ash) о динамике событий: «Польша — 10 лет, Венгрия — 10 месяцев, ГДР — 10 недель, Чехословакия — 10 дней, Румыния — 10 часов, Албания — 10 минут». Следует отметить, что после годовичного сбоя магическая восьмерка в истории чехов больше не повторялась, хотя происходили такие события, как распад Чехословакии (1993), вхождение в НАТО (1999), вступление в Евросоюз (2004).

Автор показывает, что чешский национализм XIX в., как и у других народов Центральной и Восточной Европы, был связан с традиционализмом — поиск идентичности в переосмысленной истории (в том числе явно мифологизированной), обращение к родному языку (пятитомный чешско-немецкий словарь 1835–1839 гг. ректора Карлова университета Й. Юнгмана (J. Jungman), оживление гуситской традиции в религии в противовес официальному католицизму германоязычной элиты. Чешское возрождение (*obrozeny*) неизбежно отталкивалось от немецкой культуры, которая была доминантной не только среди элиты, но и в средних городских слоях, университетах. Взаимоотношения чешской и немецкой культуры историк Ф. Палацкий (F. Palacký) метафорически охарактеризовал как “*Stykany a potykany*” (контакты и борьба).

Обращается внимание на нелинейность карьерной траектории основателя Чехословацкого государства, философа и социолога Т. Масарика

(Т. Masaryk), который ради истины шел на непопулярные поступки. В частности, доказал поддельность старочешских рукописей, защищал в суде Л. Хилснера, обвиненного в ритуальных убийствах католических девушек (1899). За это «чешские патриоты» назвали будущего отца нации «врагом народа» и «продавшимся немцам». Т. Масарик считал Чехию/Чехословакию ветвью европейской цивилизации, которая созрела для социал-демократии. Россию и СССР он рассматривал как евразийскую цивилизацию, наследницу византийской традиции (авторитаризм, бюрократия, этатизм) и в духе российских меньшевиков считал, что в стране Советов нет предпосылок для социалистического общества.

Ж. Рупник указывает на парадоксальное отношение коммунистического режима Чехословакии и самих чехов к институту церкви. Католицизм воспринимался как религия немцев, подавивших гуситское движение в 1434 г. и протестантов в ходе Тридцатилетней войны в 1620 г. После 1948 г. католическая церковь подверглась репрессиям, священники отстранялись от приходов, отправлялись в лагеря, эмигрировали, имущество конфисковалось государством. Новая католическая иерархия была тесно связана с органами безопасности и использовалась в 70–80-х гг. XX в. для пропаганды в международных гуманитарных организациях. Но именно католицизм, по аналогии с Польшей, стал притягательной силой для диссидентов и религиозного возрождения. Автор предполагает, что обращение к религии в поисках смысла жизни в 70–80-х гг. было обусловлено сочетанием роста уровня жизни с духовным вакуумом коммунистического режима. Напротив, протестантские общины — Чехословацкая гуситская церковь, Евангелическая церковь чешских братьев — с 1948 г. активно сотрудничали с коммунистами, разрабатывали теологию христианского социализма. В целом опросы в Евросоюзе показывают, что Чехия наряду со Скандинавскими странами является одним из наиболее атеистических государств.

Ж. Рупник сравнивает революционные события французской и пражской весны 1968 г., когда молодежь выступила главной движущей силой протестов, однако цели и мотивы протестов были различны. Во Франции критиковались потребительское общество, представительная демократия и буржуазность, популяризировались левацкие идеи Че Гевары, Мао, вьетнамских коммунистов. В Чехословакии критиковались экономика дефицита, авторитаризм и коммунистическая идеология, предлагалась идея конвергенции капитализма

и коммунизма как третьего пути, создание единой Европы (предвосхищение идей 1989 г.). Автор приводит цитату самого известного современного чешского писателя М. Кундеры (M. Kundera): «Парижский май был взрывом революционного лиризма, пражская весна была взрывом постреволюционного скепсиса». Различна была судьба лидеров бунтарей: во Франции они влились в политический и культурный истеблишмент, в Чехословакии были отстранены от должностей, лишены права заниматься профессиональной деятельностью, маргинализировались во внутренней эмиграции или выехали за границу.

Ж. Рупник анализирует причины «бархатного развода» (*sametový rozvod*) Чехии и Словакии 1 января 1993 г., который обошелся без единого выстрела и без единого разбитого окна при том, что большинство чехов и словаков были против разделения страны (в июне 1992 г. против разделения высказались 81% чехов и 63% словаков). Словацкие элиты требовали суверенитета, чтобы получить больше экономических выгод в рамках федерации, а чешские элиты «поймали их на слове» и согласились на развод с «неблагодарными опоздавшими», которые получали дотации из Праги. Две части некогда единого государства оказались в тот период в разных фазах демократического транзита по Линцу-Степану (*Linz–Stepan*): Чехия вступила в фазу «демократической консолидации», где демократические правила приняты всеми политическими акторами, а Словакия отошла от классического транзита и перешла к авторитарному режиму.

Автор называет следующие причины для «бархатного развода»:

- Чехия со времен Габсбургов была наиболее экономически развитой территорией Австрии, а Словакия была аграрным регионом, ориентированным на Венгрию. Словаки указывали на подмену федерализма чешским централизмом в 1918–1938, 1948–1968 гг., а чехи — на предательство 1938 г. (создание Словацкого государства под патронажем гитлеровской Германии) и 1968 г., когда пражская весна была подавлена силами войск ОВД с помощью словацких «нормализаторов» Г. Гусака (G. Husák) и В. Биляка (V. Biľak). В 1992 г. чехи назвали в качестве героев отечественного пантеона Т. Масарика, Карла IV (*Karel IV*), Я.А. Коменского (J.A. Komenský), Я. Гуса (J. Hus), а словаки выбрали ученого и военного начала XX в. М.Р. Штефаника (M.R. Štefánik), идеолога словацкого возрождения XIX в., участника

революции в Венгрии Л. Штура (L. V. Štúr), коммунистического лидера пражской весны А. Дубчека (A. Dubček), католического священника и создателя националистической партии А. Глинку (A. Hlinka). Еще более разительно отличались наиболее выдающиеся периоды в истории наций. Чехи выбрали правление Карла IV (1346–1378), первую республику (1918–1938), словаки предпочли годы коммунизма (1948–1989) и самостоятельного Словацкого государства (1939–1945).

- Для чешской элиты «развод» был политической потерей и экономическим приобретением, для словацкой элиты — политическим приобретением и экономической потерей, при этом к 1992 г. уровень различия социально-экономического развития двух территорий был наименьшим за всю историю.

- Федерация как форма территориального устройства рухнула во всех социалистических странах — ЧССР, СССР, Югославии — и ассоциировалась с неудавшимся социалистическим проектом.

- Лидеры ведущих партий, чех В. Клаус (V. Klaus) и словак В. Мечьяр (V. Mečiar), принципиально расходились в вопросах скорости и глубины рыночных реформ, принятия закона о люстрации, международного представительства субъектов федерации.

Ж. Рупник анализирует причины смены правящей группы в Чехословакии в 1992 г., когда бывшие диссиденты-правозащитники из Гражданского форума В. Гавела (V. Havel) с его идеей «неполитической политики»/«моральной политики» уступили место праволиберальным технократам В. Клауса из Гражданской демократической партии (ODS) с идеей монетарных реформ. В. Гавел прожил три социальные роли: драматург, диссидент, президент, причем диссидентские идеи группы «Хартия-77» не разделялись подавляющим большинством граждан Чехословакии. В. Гавел объяснял понятие «посттоталитаризм» как диктатуру в обществе массового потребления, где гражданин выбирает конформистские стратегии адаптации и ассимиляции под угрозой утраты социального статуса и материальных благ. В посттоталитаризме гражданин представляет собой одновременно жертву и соучастника режима независимо от занимаемой должности. Политический капитал В. Гавела базировался не на причастности к какому-либо институту, а на моральном авторитете автора «Власти безвластных» (Moc bezmocných) и «Писем к Ольге» (Dopisy Olze). В. Гавел верил, что изменить поло-

жение народа можно, только изменив сознание, сделав его этикоориентированным и бесстрашным в отстаивании правды. Этого оказалось достаточно, чтобы опрокинуть падающий режим, но мало, чтобы руководить государством.

Ж. Рупник доказывает, что коммунизм для чехов был не навязанной чуждой идеологией, а вполне органическим продуктом и собственным выбором. Чешский путь он метафорически называет «национальной и ненасильственной дорогой к сталинизму». К 1948 г. коммунистическая партия пользовалась поддержкой как минимум трети избирателей, она позволяла представителям рабочего класса пополнять ряды чиновников, групп работников умственного труда, выступая значимым каналом вертикальной социальной мобильности. Всего с 1948 по 1989 г. в партии состояли более 6 млн человек. В отличие от Польши и Венгрии, в Чехословакии произошла глубокая ротация интеллектуалов, досоциалистические интеллектуалы были маргинализированы и заменены выходцами из рабочего класса в течение двух волн чисток 1948 и 1968 гг. Сильные традиции социалистического равенства первой республики наложились на травму Мюнхенского сговора. Чешские реформаторы 1968 г. искали ответы в рамках неомарксизма, поскольку данный дискурс представлялся им самым естественным. В настоящее время в парламенте действует Коммунистическая партия Чехии и Моравии, которая подчеркивает необходимость защиты завоеваний социализма.

Ж. Рупник подсчитывает баланс политики «нормализации» Г. Гусака (1969–1989). В 70-е гг. Чехословакия показывала хорошие темпы экономического роста, что позволило ей стать «витриной социализма» и создать некий прообраз социалистического потребительского общества. Был заключен молчаливый общественный договор с обществом — повышение уровня жизни в обмен на политическое неучастие. Чехословакия тесно интегрировалась в Союз экономической взаимопомощи (СЭВ) (77% торгового оборота), что привело к увеличению технологического отставания от ведущих стран Запада. Одновременно ЧССР не имела внешней задолженности, наоборот, выступала кредитором других стран.

В культурной сфере разнообразию 60-х гг. был положен конец, из партии было вычищено полмиллиона членов, которые лишились своих должностей. Запрет на профессию и угроза маргинализации детей подавили оппозицию — данная тактика была названа философом М. Шимечкой (M. Šimečka)

«цивилизованное насилие». В противовес официальной культуре появилась параллельная культура в форме самиздата, андеграунда, религиозных обществ, которые получали поддержку извне.

Ж. Рупник также акцентирует внимание на том, что от «нормализации» выиграл словацкий средний класс, который стал занимать вакантные должности на федеральном уровне в Праге, а в целом Словакия получила щедрый «инвестиционный дождь» в благодарность за лояльность коммунистическому режиму.

Затрагивает автор и «острую» тему депортации (odsun) 2,5 млн судетских немцев в 1945–1946 гг., в ходе которой погибли около 30 тыс. человек; было конфисковано имущество. В. Гавел в 1989 г. извинился за депортацию, что не нашло поддержки в чешском обществе, поскольку там продолжает господствовать представление о «коллективной вине» немцев, а также как справедливый рассматривается польский опыт расширения западных границ с депортацией немецкого населения. С позиции философа-гуманиста В. Гавела, чехи были неправы (эту точку зрения поддержали бывшие диссиденты), с позиции большинства чешского народа — депортация по декретам президента Э. Бенеша (E. Beneš) была справедливой мерой в отношении этнической группы, которая способствовала оккупации Чехословакии в 1938–1939 гг. В 1999 г. Европарламент призвал Чехию отменить декреты Э. Бенеша как не соответствующие демократическим принципам, однако чешские элиты на это не пошли. В частности, премьер-министр М. Земан (M. Zeman) в 2002 г. назвал судетских немцев «пятой колонной» и рекомендовал Израилю использовать чешский опыт для решения палестинской проблемы. Совместная чешско-немецкая комиссия историков работает над выявлением фактов и разрушением мифов, в частности, над недопущением квалификации депортации судетских немцев как геноцида и аналога холокоста.

В последних разделах книги автор анализирует постсоциалистическое развитие Чехии. Он подчеркивает, что выход из советского блока в 1989 г. сменился вхождением в новый блок (Евросоюз) в 1999 г., где существуют свои проблемы развития национального государства и обеспечения безопасности. Всплеск националистического популизма в Австрии, Баварии, Северной Италии автор связывает с феноменом «альпийского популизма», когда богатые не хотят делиться с более бедными регионами (в 30-е гг. именно на этих территориях

был успешен фашизм и национал-социализм, апеллировавший к неудачникам рыночной экономики и жертвам кризиса). Европейские популисты делят общество на невинный народ и виновные корумпированные элиты, выступают за приоритет прямой демократии (референдумы) против дискредитированного представительства, признают демократию без открытости мигрантам и диктата брюссельской бюрократии. Для выяснения причин расцвета популизма в Евросоюзе Ж. Рупник прибегает к концепции Д. Родрика (D. Rodrik), который в 2011 г. предположил концепт «парадокс глобализации» — невозможность одновременного сосуществования трех элементов: демократии, глобального рынка, национального государства. Популисты предлагают вариацию «национальное государство в глобальном рынке», что находит крайнее воплощение в России, Китае, Турции.

Автор анализирует деятельность трех лидеров чешского популизма: М. Земана, Т. Окамуры (T. Okamura) как представителей националистического популизма (против мигрантов) и А. Бабиша (A. Babiš) как представителя предпринимательского популизма (управлять страной как фирмой без коррупции и не отделять общественные интересы от частных). Все три лидера «продают» на рынке свой неподражаемый имидж, добиваясь признания избирателей не столько программами, сколько оригинальностью на грани экстравагантности. Традиционные партии и идеологии находятся в глубоком кризисе. Ж. Рупник сравнивает оксюморон «страны социалистической демократии» с решением Евросоюза о квотах по размещению беженцев в странах Центральной Европы — «гибкая солидарность» (да — субсидиям Евросоюза, нет — приему беженцев). Ж. Рупник делает итоговый вывод о том, что страны Центральной Европы достигли поставленных в 1989 г. целей: демократия, рыночная экономика, интеграция в Европу. Теперь по модели М. Вальцера (M. Walzer) о «парадоксе освобождения» 2016 г. на смену лидерам-модернизаторам и освободителям через 25–30 лет приходят консервативные националисты. Либеральный цикл закончен и весьма вероятен общеевропейский сценарий венгерского премьер-министра В. Орбана (V. Orbán): «В 1989 г. мы думали, что Европа — наше будущее, сегодня кажется, что мы — это и есть будущее Европы».

*Рассторгуев Сергей Викторович, профессор
Департамента политологии и массовых
коммуникаций Финансового университета*